

Игорь Угляр

Автопортрет

Литео

Игорь Угляр
Автопортрет

«Литео»

Угляр И.

Автопортрет / И. Угляр — «Литео»,

ISBN 978-5-00-071737-0

Самая потаённая, тёмная, закрытая стыдливо от глаз посторонних сторона жизни главенствующая в жизни. Об инстинкте, уступающем по силе разве что инстинкту жизни. С которым жизнь сплошное, увы, далеко не всегда сладкое, но всегда гарантированное мученье. О блуде, страстях, ревности, пороках (пороках? Ха-Ха!) — покажите хоть одну персону не подверженную этим добродетелям. Какого черта!

ISBN 978-5-00-071737-0

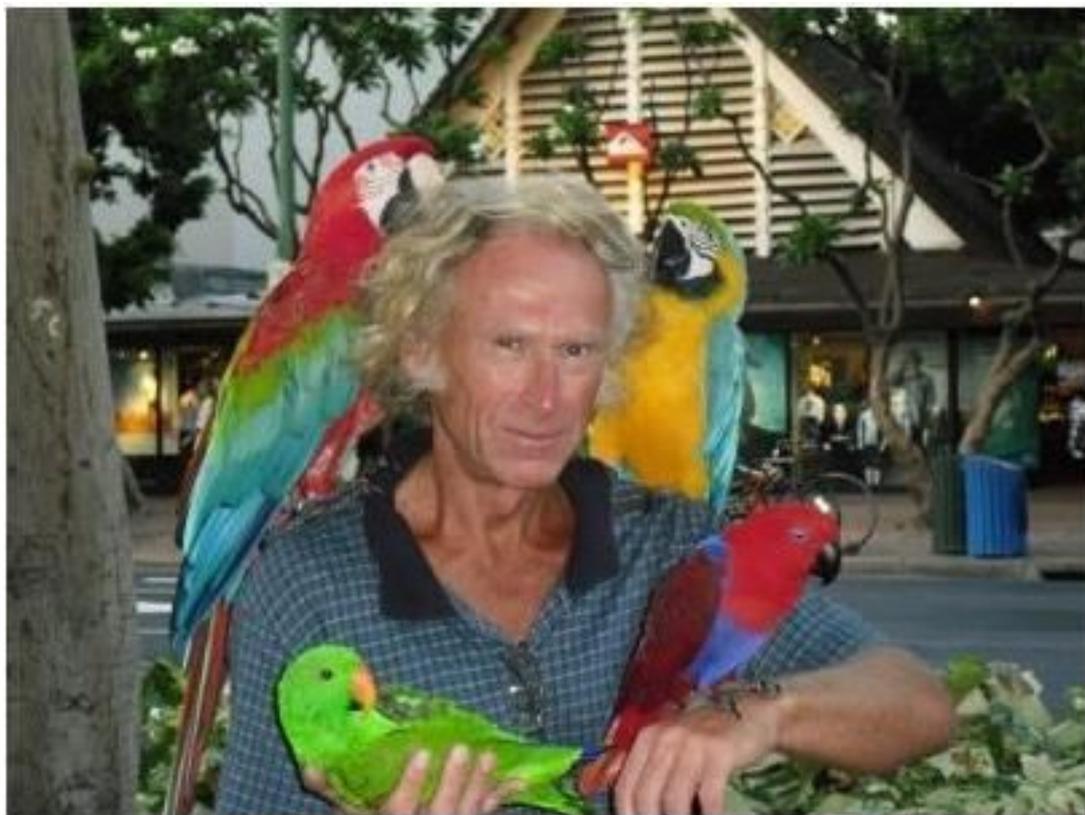
© Угляр И.

© Литео

Содержание

1. «Встретил женщину старше сорока и стал писать страшные рассказы»	6
2. «Любовь как главный способ спасения от одиночества»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Угляр АВТОПОРТРЕТ роман

ТАК ЧТО ЖЕ ЭТО МЫ ЗА ЛЮДИ ТАКИЕ?!

ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ В СТРАНАХ И ЛИЦАХ

1. «Встретил женщину старше сорока и стал писать страшные рассказы»

Ты прилетишь ранней весной (ты не прилетишь никогда) я знаю, как знаю и то, что ничего из этого, как ни из пятого ни из десятого не будет – ни весной, тем более ранней, ни летом, ни осенью, ни зимой – никогда, и в помине, ни с кем и никогда не побредешь ты по никакому пляжу, тем более пустынному, не будешь танцевать никакое танго, ни свинг тем более, смешно подумать даже, правда?, возможно вполне не будешь танцевать вообще, никогда не обнимешься, не замрешь, не вдохнешь запах женщины, любимого, единственного и неземного существа без которого тебе не жить: вместо всего этого и много чего другого, чем счастливо существо человеческое, будет знаешь что: мерзкий запах и такой же вкус обжигающей горло дряни, дежурные шалавы, короткий рык изрыгаемой животной плоти и чувство омерзения к самому себе, заглушаемое той же мерзкой жидкостью в том же мерзском кабаке, где ты будешь медленно, тупо, страшно добивать себя стоя где – то одинокого в углу, мерно пошатываясь в такт музыке, затем, опять же: ни с кем никогда ты не пойдешь держась за руки, не остановишься, не обнимешься, не замрешь в поцелуе, потому, что ты забыл парень изречение одно которое тебе приговором будет. «Одинокому везде пустыня». В тебе сломалось нечто очень важное, самое то, что составляет суть мужской природы, но времени на ремонт, тем более капитальный у тебя, мой дорогой, увы, не осталось. Ты пойдешь не оглядываясь молча, одиноко гордо даже, уверенной, пружинящей походкой дорогой проторенной, хорошо знакомой и верной, вытравливая из себя остатки человечности с совестью вместе взятыми и будешь брести по ней до тех пор, пока не стерешь в памяти женщину, походя и играючи разрушившую твою жизнь.

«Горький поглядел на небо. Затем подошел к дереву, обнял его, и заплакал». Я поглядел в никуда. Затем подошел к одиноко стоящему фонарному столбу с облупившейся серой краской что на бодворке у 22 West, и заплакал. Великий пролетарский писатель Максим Горький! Слушайте меня, как говорят у нас в Одессе – сюда. Давайте меняться. Я буду неспешно тащить со товарищи баржу по матушке реке Волге, а Вы, впряженный в плуг заместо коняки – вспахать поле размером в стадион. Меня будет обдавать приятная речная прохлада, Вы же корчитесь судорогами от обезвоживания в термокипии в 60 – ти градусном пекле. Ко мне будут обращаться по имени, Вам же кричать через дорогу словно псу бездомному – «Эй!». Вечером я разделю трапезу подле костерка в честной компании, а Вы проглотите не лезущий в горло кусок в подлом одиночестве и уляжетесь при включеном освещении на станок токарный – в противном случае Вас до утра сожрут крысы. Я обниму дерево – почти живое существо, с дыханием, влагой, запахом, почти что женщину, Вы же – глупо торчащую ржавую железяку, да еще с облупившейся серой краской. Но самое, самое преглавное, великий пролетарский писатель Горький заключается в том, что некая госпожа Будберг будет лелеять, любить и уважать меня, а Вас – тут Вы превратитесь во внимание сплошное, товарищ великий писатель пролетарский – напиваться на глазах в драбадан, лапать жирную кабанью шею, лобызать взасос тараканьи усищи и натравливать на Вас полицию, « Ату, его, ату!».

Пациент: «Доктор, обношения с одной женщиной изуродовали мою психику и нивелировали меня как личность».

Доктор: «Приходите, постараюсь хоть чем – то помочь, хотя честно говоря не ручаюсь...».

Я обрел долгожданный покой вернувшись в материнское лоно. Так в утробе покоится свернувшись калачиком и посасывая пальчик крохотный, беззащитный, оберегаемый околоплодными водами от суеты и вражды окружающего мира младенец. Безжизненное тело.

Закрытые глаза. И словно плети руки. И вместо лица маска. Долгожданный покой. Исчезло всё. Мысли, желания, страсти, любовь, ревность... сама жизнь. Исчезла ты. Только блаженная нирванна спасительной тишины и ярких красок, пения райских птиц и тихий шепот прибоя, лучи солнца осеннего и дуновение ветерка... Который словно женская ласковая рука ерошит твои волосы, хотя нет, из последних сил прорываются сквозь дурман остатки разума, разве твои руки когда – то касались моих волос...

Обессиленный и погасший стою под тугими струями смывающими омерзительно липкий пот страха, жары и смерти. Видения направленного на тебя дула калашникова и подствольника базуки. Миг – и ты превратишься в прошитый свинцовым жалом окровавленный куль, прах, пепел, рассеянный в пустыне на окраине города Багдада. Без следа... Всё это враки, что перед лицом смерти у человека враз проносится вся его жизнь. Знай мой дорогой, о ком в свой последний час вспомнил твой отец. Но разве он забывал? Все невыразимо долгие годы скитаний по чужбинам, годы одиночества, поиска крова, куска хлеба, трудов тяжких, ты всегда был со мной, впрочем как и другие любимые, родные и близкие... Какой стала ты, ворвавшаяся в мою жизнь и взорвавшая ее, чью блевотину смывают тугие струи в сей предрассветный час.

Затем вытерусь, разорву фабричную упаковку белья, лягу. Нет доски с гвоздями. Жаль. Укладываюсь тщательно, словно выполняя некий ритуал. Благороден лик нагого человека возлежащего неподвижно, словно изваяние в утренних сумерках с печатью Божьей благодати, истины, видения, тайны, неподвластной простым смертным на лице его. Оно светло и озарено улыбкой – такой же кроткой и нежной как у тебя, осеняющей крестным знаменем образы. Вот только пальцы... Тонкие, нервические. И такие сильные. Которые время от времени сжимаются в кулак. Словно пытаюсь разорвать, раздавить, разможжить, расплющить нечто. Они сжимаются с такой страшной, нечеловеческой силой, что кожа на костяшках истончается, а сами они становятся белыми – пребелыми, словно у мертвяка, а вены всё набухают и набухают – словно силясь из самих себя выскочить.

Уик – узнд святое время аутсайда в одном из баров или кабаков понатыканных тут на каждом углу. Посреди ночи честной ты частенько заваливаешь в один из них, там мы и встретимся, но я не узнаю тебя. В который раз... Единственно, что останется от прошлой ночи, так это смутный образ блондинки « Нет, сегодня никак, давай завтра». Первая волна разлилась спасительным теплом и боль отступила. Закуриваю. Откидываюсь на спинку колченогого стула посреди убогого жилища. Неверным движением плескаю на дно и с любопытством пьяницы рассматриваю на свет содержимое. Как будто силясь там что – то (кого – то?) увидеть. Отравленный любовью и алкоголем мозг начинает свой диалог, переходящий в монолог безумца с чертом усевшимся на дне. Ближе к утру телефонный звонок подгулявшей подруги разбудит обнимающий комод белой березы приличного с виду мужчину и приведет его в относительное чувство.

Запросто – ответил я, ещё и плечами пожал. Непринужденно так, экая невидаль, мол. Через десять лет, и через двадцать – тут ком забил глотку проклятый, каждый раз сбивающий дыхание, когда ты схватываешь в охапку волосы разом встряхивая их. Нарочно, признайся. И пелена. Заволакивающая глаза в самый неподходящий момент. Подступающая разом, внезапно, будто спазма. Словно брызги дождя, бьющее о лобовое стекло. Вначале ты их смахиваешь, затем дождь усиливается и дворники не успевают справляться со своими обязанностями. Стекло заливает и ты на полном ходу врезаешься в столб. Насмерть.

И вскочил в смертном крике ужаса от приближающегося холода могильного со своего ложа гвоздями утыканными человек нагой с ликом Христа светлым, стигмамы кровавыми, венами лопающимися на костяшках словно у мертвяка белесыми, словно вспомнил он в миг тот самый про «...спасение подстерегающее страждущего на углу ближайшем», до которого

дойти еще надобно, и услышал он голос с небес самых донесшихся, и отступил ночи мрак, и забрезжал рассвет не только за окном, но и в душе его заблудшей и гаснущей человеческой.

Я стал похож – ого, на Диогена! Правда, учитель искал человека. Так же, среди дня бела брожу с фонарем зажженным объясняя попутно: «Ищу женщину. Найду и брошу жизнь под ноги. Приветствуется проститутка». Размышлять начал, а это признак плохой. Вопросы задавать всё больше каверзные да дурацкие. «А когда это Вы Игорь Афанасьевич в последний раз были с женщиной любовно?». Не в смысле, а любовно, да что Вы говорите такое, да мыслимо ли, в тысячелетии этом, правда в начале его самом, и кто бы поверил, звучит странно как – то, уж не больны ли, говорите трезвы даже были, ну и дела, и кто поверил бы...

Разбитое вдрызг корыто как промежуточный итог прожитого, когда главные жизненные силы ушли в никуда – гулянку, пьянку, бабы, шараханье из стороны в сторону, и всё от того, что не было тебя рядом, чей голос в утренних сумерках развернул меня, шапочно знакомого пьяного дурня из – за океана на сто восемьдесят градусов от непоправимого. Разве не твой голос выдохнул: «Дорогой!», хотя я понимаю всю его условность, ты просто спасала гибнущего, ты знаешь что это такое, у тебя оказалась душа и сердце, чего в помине не было у той другой. Только бы ты согласилась со мной встретиться, только бы, заклинаю словно сомнамбула в который раз... Осколок прежней Руси, вечный жид, летучий голландец, и ты – такая ослепительно красивая, молодая, умная, тонкая, высокая... Я расскажу тебе о сказочной красоте закатах там, где доносится шум впадающей в океан Амазонки, о том, что происходит в душе пока еще человека, когда ему под ноги швыряют чувяки, а на Рождество вместо сына он обнимает нары, о чем думает сидящий одиноко на краю света мужчина без гроша в кармане, об совести угрызениях и приступах отчаянья от сознания того, что скатываешься в криминал, о чувствах обуревающих душу твою при звуках танго, о том как берется рука партнерши, меняется лицо, замирает сердце и едва слышно дышится ноздрями, тихо подергивающимися то ли от чарующих звуков, то ли от разгорающейся страсти, и как глаза находят глаза... Пауза. Вот смотри. Стану посреди комнаты и сымитирую. Правая рука приобнимает талию воображаемой дамы, левая приподымается в поисках ее руки. Uno – шаг правой назад, dos- шаг левой в сторону, tres – правой вперед, cuatro – левой вперед, cinco- правая приставляется к левой, причем особым шиком считается приставить ногу наперекрест, правда от этого суживается маневр дальнейший, да не беда, seis – левой вперед, siete – корпус разворачивается на 90 градусов вправо с одномоментным шагом правой, ocho – левая присавляется к правой. А теперь смотри еще раз. То же самое, только при условии «Bailartangoescasihaseramor». Тут я замираю, и начинаю тихо раскачиваться в такт воображаемой музыки. Правая на высоте талии, левая всё никак не может нащупать твою ладонь, она исчет, шарит, рыскает в воздухе, и вот, наконец – то, замирает и берется движением маэстро охватывающего скрипичную деку – легчайше, нежнейше, воздушнейше. Корпус плавно раскачивается, раскачивается, из стороны в сторону, из стороны в сторону, наконец попав в такт правая отводится назад, да не тупо, не от бедра даже – чуть ли не от плеча и далее влево – корпусом, вперед – телом всем подавшись, далее – порывом, не стать – замереть, не танцевать – священнодействовать – casihaseramor. Ах, дорогая! Мы махнем с тобой посреди зимы в знойный Буэнос и первым делом пойдем на Сан Телмо. Затем, околдованные волшебными ритмами танго и милонги завалим в таверну, что на углу и предадимся безудержному гудежу. Буэнос город ночи, ночью обнажаются человеческие инстинкты, пороки, страсти и это просто замечательно, что есть такой город где можно предаться инстинктам, порокам, страстям открыто, как зверям, животным – не как эти мерзские людишки – тайно, подло, ханжески, лицемерно, обманом, о, нет! – мы махнем не в гостиницу – дом свиданий, где всё (стены, пол, потолок, всё, всё, всё!) в зеркалах, зеркалах, зеркалах!, где ты выдохнешь, как некогда выдохнула Амор: «Возьми меня как девку, как последнюю портовую девку, ну пожалуйста, возьми!», и я возьму тебя как последнюю портовую, и стены, и пол, и потолок

все вместе взятые зажмурятся от бесстыдства и распутства такого, и мы будем счастливы как могут быть счастливы звери дикие, животные, совокупляющиеся посреди джунглей, прерий, пустыни, ведь мы с тобой одно целое, ведь правда дорогая, иначе мы бы не были вместе, это такая редкость, такое счастье, найти друг друга, просто невозможно, правда... Хорошо бы навернулись слёзы, не наигранные, пьяные, бабские, а правильные, выказывающие любовь и душу. Иначе как ее увидеть. Только бы я тебе приглянулся, только бы, повторяю словно сомнамбула в раз который... между нами не будет ни слова, ни капелюсечки лжи, да что там лжи – умолчания простого, тут я схвачу за волосы, грубо как только смогу и посмотрю – нет, зазырну в глазища твои бездонные в котрых тону уж год какой безнадежно да так, что тебе дурно станет, испепелю взглядом ненавистно – любовным от которого вывернет тебя всю наизнанку, опять же, тут я предупредить обязан, взгляд не исключено вовсе бешеный выйдет, если ты – выдохну, если ты, солнце мое, альтер эго солжешь мне хоть в чем, если посмеешь оскорбить себя ложью, я закачу тебе, жизнь моя, такую пощечину, оплеуху, от которой содрогнется мир, а Земля слетит с катушек и улетит в тартары, но если я – тут голос мой понизится до шепота зловещего, до обертонов еле различимых, если я – червь, мразь и падаль псевдочеловеческая солгу тебе – ты плюнешь в лицо мне, и это будет гораздо страшнее пощечины или оплеухи, иби плевков – эту печать каинову не стереть никогда и прохожие, и дети, и старики, и женщины, будут оглядываться вслед тыча пальцем и крича с спину согбенную: «Иуда, смотрите, вон идет Иуда!». Затем я поцелую тебя так как не целовал никого и никогда не поцелую более. Едва слышно, различимо, это будет поцелуй хаш, легкий словно дуновение ветерка, младенца дыхание, света утренний лучик, скерцо Паганини, этюд Шопена... Затем это произойдет само собой – не нелепый, многократно осмеянный и позорный акт, пилилово, случка плебеев, черни, отребья, истекающих спермой и влагалищными выделениями двух разнополых тварей, животных, скотов, приматов – нет, это будет во сне словно, когда ты просыпаешься и понимаешь, наконец то оно произошло, этим промозглым осенним вечером, то самое главное событие жизни твоей к которому ты так стремился все эти долгие и страшные годы одиночества, любовной тоски и ожидания безнадежно долгого. Глаза наши широко открытые зажмурятся в тот самый последний миг, а пальцы – они вонзятся судорожно в одеяло, подушку, простынь, во что угодно только не в тебя, ибо атомная бомба любви заложенная в них взорвется и разорвет в клочья, молекулы, атомы самое драгоценное и единственное существо на белом свете – тебя.

Это будет не сказка, не сон Веры Павловны, не вымысел и не плод буйной фантазии стареющего, никому не нужного одиноко спивающегося лузера. Иначе жить станет не для кого да и не зачем, крылышки наши, сойка дорогая, обессилена, словно солнечными лучами опаленные, сложатся, и мы рухнем поодиночке так и берега не доставшись посреди океана.

Остаток жизни проведем среди сказочных тропических красок, щебетанья райских птиц, шороха прибоя и поразительного по своей библейской красоте заката. Мы будем возлежать друг подле друга в шезлонгах, пальцы наши тесно переплетутся, взоры устемятся в сторону уходящего солнца. В один прекрасный вечер одна из рук ослабеет, пальцы ее охолодеют, затем залякнут, но другая не заметит того и будет держать в своей до тех пор, пока ее не постигнет та же участь.

Прах наш развеется на высоте птичьего полета, парящие мимо сойка и орел печально помашут на прощанье крыльями и исчезнут, так же как и мы, навсегда, в бездонной небесной синеве.

В небе бескрайнем сойки одинокий полет
Тебя рядом нет и я угасаю
Только воронье летает стаей
Парит в одиночестве гордом орел...

Фото твои. Внезапно меня озарило, мы похожи, причем разительно, я нашел сходство на одной из них, ты снята там в профиль. Сходство это не столько внешнее сколько внутреннее. Просто поразительно. При встрече поделюсь в чем оно заключается, полагаю, ты со мной согласишься. Знаешь, недавно у меня появилось страшное ощущение крушения привычного мира, жизни несправедливости, словно ты ребенок маленький и бежишь к мамочке крича ей: «Мамочка дорогая, мамочка!», а в ответ получаешь подзатыльник или зуботычину, и ты не понимаешь в чем дело, твой мир рушится на глазах, ты его не видишь больше ибо он застлан слезами твоими, или словно ты родитель престарелый и что тебе единое в жизни и осталось, так это прижаться в раз последний к чаду своему единственно любимому, а оно возьми и отвернись равнодушно в час твой последний, и ты понимаешь горько, что прожил задарма жизнь, и не может ответить ни ребенок еще малосильный ни старик уже обессиленный, а если бы и могли, то не ответили бы никогда. А теперь я понимаю, что жизнь прекрасна и очень даже справедлива, потому, что не произойди то, что произошло – не случится то, чему суждено сбыться...

It's O'key, но что ты можешь предложить мне, дорогой, слышу резонный и ехидный такой же вопрос и отвечаю как всегда нахально: «Весь мир!». О, так это же дело другое совсем, колени иной. Так сразу бы и сказал. Согласная я, согласная. На весь мир, но никак не меньше, согласная я!

Сегодня у нас число какое будет? Сегодня у нас будет число 15 – ое февраля месяца года 2007 – го. Пятница. Утро. Начал с 25 – того, января, естественно, года того же, 2007 – го, в столице Родины нашей доисторической городе герое Москве. На круг недели три выходит. Из них одна в ауте абсолютном, другая в относительном, еще одна в трезвости такой же относительной. Варианты один другого краше. Делириум, маразм, шиза, нечто сексуально – маниакальное, но уж никак не депрессивное. Забрасываю нижние конечности на колченогое стуло поломаное и откидываюсь на спинку, несмотря на утро ранне – устало. Боржом, булькающая и пузырящая разливается по обезвоженным телесам, приводя в относительное чувство равновесия и гармонии с окружающим миром. Итак, что мы имеем на день сегодняшней, тут я повторюсь числом – февраля 15 – того, года 2007 – го. Мы имеем: ужин в итальянской ресторации с дамой надежд не оправдавшей – раз, визит к проститутке оправдавшей надежды самые смелые – два, закомство в заведении с шикарнейшей блондой с такими же шикарнейшими надеждами и перспективами, которым в последствии так перспективами и надеждами суждено и остаться (рем. Автора) – три.

Четвертый час. Еще какое – то время лежу вытянувшись в струнку, затем спрыгиваю с кровати. Сколько же это продолжается? Ого, без пяти минут пол года минуло с тех самых пор, как мой бедный мозг превратился в некое подобие круглосуточно работающей жаровни, костерища, доменной печи, нет, бери выше – крематория, в котором он медленно поджаривая себя сгорает в пламени адовом все двадцать четыре часа во сне, наяву, дома, на работе, где еще? – везде и всегда меня преследует наваждение, фантом, мираж, образ, от которого я хочу во что бы то ни стало избавиться, откарсткаться, отхреститься, но тщетно всё, не выходит ничего, не под силу, стало не вмоготу уж совсем, устал, болен, истощен, поэтому – сгинь, исчезни, пропади, желателно пропадом, зачем ты являешься мне ежесекундно, минутно, часно, дневно... – явись же кому нибудь другому, ну сколько же можно, будь ты проклята...

«И в куче навоза можно найти крупичу жемчуга». Конфуций. В роли кучи дерьма у нас как всегда долбаный ТАУН. Словно сфинкс, орхидея, цветок прерий душистых ты возвышалась на унылом фоне кидающийся даже в залитые глаза смеси брайтоновской глупоты и уродства. Выразительной лепки голова, то ли греческий, то ли иудейский профиль, белокурые кудряшки. Природа словно вытесала профиль из цельного куска гранита максимально очертив его, замерев в испуге в самый последний момент, словно опасаясь откромсать лиш-

нее, ещё чуть – и красота перейдет с свою противоположность. Плод любви еврея физика и польской балерины. Штучная женщина. Будь я художником, или скажем ваятелем – намалявал, вылепил, вытесал бы тебя именно такой. Подваливаю сходу. Какой – то амбал пытается стать на пути моего счастья, но я пьян, поэтому решителен и непреклонен. Мы оба под изрядным шофе и дело катится как по маслу. Выпиваем, танцуем, о чем то щебечем, словно не виделись лет этак сто и смертельно соскучились друг по другу. Да так оно и было, мы же кинулись навстречу друг дружке! Пиемо, гулямо, танцовамо. Ах!

Разговор явно не клеится. Первая бутылка комом, наше застолье скорее напоминает поминальное сидение, твои, между прочим, слова. Со второй мы как всегда разошлись, раздухарились, можно сказать, со второй – не раньше никак у нас устанавливается некая духовная связь, близость, братство по оружию, ведь мы с тобой не мужчина и женщина, а други, братаны, собутыльники, сообщники, кореша, подельники, короче – лица без вторичных половых признаков. Иногда мне кажется – и без первичных тоже. Это произошло так давно, что и не упомнить, чуть ли не на заре знакомства нашего. И надо же, именно в тот вечер я попросил тебя, мол, детка дорогая, в наших отношениях мы опасно подошли к той черте невидимой красной, за которой начинается свинство да скотство, ведь мы не будем преступать ее, договорились, ладно? Через аж два дня рухнет в тартарары все самым что ни на есть свинско – скотским образом, и спроси кто нас тогда, есть ли в мире что или кто либо способный хоть на копейку порушить дружбу нашу, отношения, ха – ха- ха, но Аннушка уже пролила свое масло... «What kind of women are you?», немо вопрошаю я иступленно тряся за плечи, не ведая, что жить мне, от умело воткнутого в сердце самое шила осталось целых два дня.

А тогда, в тот промозглый февральский вечер, в наш первый ГАМБРИНУС, мы оприходовали на двоих пару МЕРЛЮ и чудесно провели вечер. Провели его так чудесно, как обычно проводят двое случайно встретившихся и понравившихся друг друг людей, которых потянуло друг к другу в ожидании предстоящей любви. На улице ты схватила меня под мышку и мы рванули в ПРИМОРСКИЙ. Добавить и потанцевать. Добавили и потанцевали. Я всё рассматривал и рассматривал тебя кожей буквально чувствуя как западаю, падаю, проваливаюсь в любовную прорву из которой нет и не будет ни выхода ни спасения, я забыл дурашка про: « Не пускай змею любви в свое сердце, единственное, на что она способна – так это ужалить тебя смертельно в самое сердце», и правильно сделал, что забыл, зачит так надо, пусть кусает, меня ждет смерть сладкая самая от яду любовного, я ведь мечтаю о смерти такой, ну поскорее же, я и так заждался в ожидании бесконечно своем одиночестве...

На улице ты засунула руку свою в мой карман, я и до сих пор ощущаю его тепло. « Не пропадай, Игорек! ». « Ну что ты, куда же я могу пропасть?! ».

Мы сидим как детки малые, в твоих руках чаша с зажженной свечой, которую ты медленно, в такт музыки перекатываешь в ладонях. Беру эти руки в свои, и меня пробивает мелкая дрожь. Лицо напротив сидящей женщины озарено улыбкой, от которой становится не по себе. Так становится не по себе человеку которому зачитали смертный приговор.

Пляж. Медленно, осторожно, перебираю пальцы твои, стряхивая песок. Ловлю на мысли, что проделываю это впервые. Имеется в виду вообще впервые в жизни. У тебя красивая стопа. С соблюдением пропорций, высоким подъемом, элегантная, вся в тебя. И здесь, на пляже, посреди людей толпы у меня возникло дикое, непреодолимое желание прикинуть, прижаться, слиться, раствориться в ней... в испуге одергиваю руку и отвожу взгляд. Слава Богу, ты так ничего и не заметила.

Усадьба Вандербильдов. Лежу на зеленой лужайке навзничь, рука моя слепо и беспомощно шарит по траве в поисках твоей. Дорогая, ну где же ты, мне так грустно, так одиноко, мое сердце просто разрывается от любви, прости разрывается...

Идет время и отношения словно карточный домик разваливаются на глазах. Между нами незримо выросла Китайская стена отчуждения, западая в такси каждый жметесь к своему окну словно опасаясь укуса бешеной собаки, между нами можно посадить пол автобуса, уместить морской вокзал, аэропорт. Между нами пропасть, пустота космическая заполняемая натужным, никчемным, никому не нужным искусственным разговором. Каждая такая поездка забирает у меня год жизни, выцеживает литр крови. Каждый променад по бодворку на пионерском расстоянии сто лет, всю кровь до капли последней. Спасает, до времени до поры, пьянка. Заканчивающаяся в лучшем случае полубеспамятством. Но, похоже, и эта отдушина приказала долго жить. Вчера мы сели в такси, но домой ты добралась в гордом одиночестве. А в прошлый раз мы потерялись. А в позапрошлый не упомянем. «Невыносимо» – это я. «Непереносимо» – это ты. Надо же, неужели и тебе как наждаком по влажной щеке, кто бы подумал, но ты словно шахидка судорожно ухватившаяся за тротилловый пояс с непреклонной решимостью смертницы, только вместо пояса у тебя нечто другое – бесполезное и бессмысленное, приходящее в негодность, угасающее и умирающее но продолжающее сеять вокруг, пусть в переносном смысле – разрушение и смерть...

Я бы сравнил наши отношения за эти пол года знаешь с чем? Только не падай, вроде меня, с барного табурета. С семидесятью четырьмя годами Советской власти. Где были как свершения величайше грандиозные так и падения нижайше позорные. И еще неизвестно чего поболее. Свинцовый режим сталинский и болтовня брежневская, голодомор и урожаи рекордные, соха и бомба атомная, ГУЛАГ и ОТТЕПЕЛЬ, синхрофазотрон и сырок плавленый, колхоз полудохлый и корабль космический, пушки и масло, кровь и слезы, любовь и ненависть, встречи и расставания... А еще я бы сравнил наши мазо – садо знаешь с чем? Только в мою головешку могло прийти такое. Я бы сравнил, я бы сравнил наши отношения дорогая с тем уродством, что проистекало промеж СССР или тем, что от него на сегодняшний день осталось, и Китаем. Ну как? И вместе ни в жисть, и порознь как то не получается.

Мы встечались чуть ли не ежедневно. Прощаясь, ты напутствовала меня в обязательном порядке: «Доберешься домой, обязательно позвони». Я отвечал: « Ага, обязательно позвоню». Приходил домой и первым делом хватался за трубку. Иногда ты не выдерживала и звонила первой, наши звонки буквально пресекались и мы всегда трепались долго, как треплются ни о чем люди, которым никак не хочется расставаться, да так оно и было, разве нам хотелось расставаться? Я некогда не обращался к тебе просто по имени, так уж повелось, только любовно ласкательно, тебе нравилось и ты не возражала, а кто бы возражал?, каждой твари хочется хоть какой то ласки да любви, мне вот например, а когда я возьми и обратись к тебе по имени ты сразу почувствовала неладное и возмутилась: «А чего так официально?». В конце концов приходило время прощаться. «Спокойной ночи, детка, целую». «Спокойной ночи».

Ты все раздумываешь не зная чем ответить на мое предложение. Я и не тороплю. Затем, пожившись, уходишь от ответа. Ну и правильно. Две голые неприкрытые задницы, два нервных, издерганных жизнью типа. Ой ли? Я не настаиваю. Ни боже мой. Рука протянутая к тебе рука любви и дружбы – но не подаяния ради, никто к никому не напрашивается, оно ж понятно, единственно о чем прошу, так об уважении к моему чувству, оно и довольно будет. Пусть всё идет чередом своим, так и порешим. Еще какое то время сидим молча. Говорить не о чем. Молча, отрешенно, каждый погрузившись в какие то свои, неведомые другому, мысли.

С первых дней всё пошло не так как – то, как оно должно идти между мужчиной и женщиной, да не придал я по молодости да легкомыслию своему значения явлению этому пустячному, а когда придал – поздно уже было. Как птица редкая долетит до середины Днепра, так редкая женщина избежит постели после грамотного, не убоимся слова такого, профессионального ухаживания. Всё миллион раз выверено и отработано на уровне рефлекса (взаимного). Такси, ресторан, алкоголь, музыка, танец, цветы, жесты, прикоснове-

ния, немного игры, притворства, воображения, и человек ведется, оба ведутся, так уж мы устроены, все это искренне, ты ведь и в самом деле влюблен, ты желаешь, и эта влюбленность, желание это – оно передается флюидами невидимыми души и находит ответ. Или не находит.

Вот до места сего писалось как дышалось, а тут начинает клинить, рвать внутренне, слов нет, потому что всё wrong, неправильно, потому, что так не может и не должно быть между мужчиной и женщиной, но так было и продолжалось и я развалился, рухнул, рассыпался на части, на миллиард осколков мелких, которые собираю по крупицам ползая на четвереньках в неуверенности пребывая и по день сегодняшний – соберу ли? У меня рухнуло моё внутренне «Я» – главное самое, что есть у человека и я заболел, и по сей день, и не известно выздоровею ли вообще. Теперь знаю точно абсолютно, я один, никто более во всем мироздании, о чем думает в своем последнем падении – полете парашутист свершивший на веку своем долгом сотни, тысячи, миллионы прыжков и забывший в самый последний миг пристегнуть парашут несящийся камнем к земле стремительно приближающейся, как и то, что удара о твердь – его, уже мертвое тело, не почувствует.

2. «Любовь как главный способ спасения от одиночества»

Какая своеобразная девушка. Не дотронуться. Поначалу подумал даже, вот дурень малахольный, что с тобой может чего не слава Богу, что ты несколько как бы не в себе, всякое оно по жизни встречается, да мало ли что с человеком стрястись может. К тебе я расположился сразу весь и без остатка увидев в тебе человека близкого и родного, без которого никак нельзя, невозможно просто, опасаясь и боясь спугнуть зарождающееся чарующее чувство любви чем – то вульгарным, преждевременным, животным, постыдным. Ты нужна мне всецело, на всю жизнь, без остатка, ведь у нас будет так как ни с кем и никогда, ты ведь знаешь об этом, не можешь не знать, ты взрослый человек, я тебе нравлюсь и ты этого не скрываешь, просто надо ждать. Да, ждать. Но прозаически всё оказалось гораздо проще, приземленнее, ближе к земле грешной чем к небесам обетованным. Всё то у тебя и слава Богу как в голове так и в других местах. Обманщица! Ты встречалась с человеком, а что тут такого, подумаешь, от нечего делать ни в грош не ставя чувства его, страдания, переживания, а затем и горе, параллельно решая задачи женщины которой нужно устроить жизнь. Ты придерживала меня то на длинном, то на коротком поводке, меняя длину в зависимости от настроения, желания, да прихвати просто ради, наличия или отсутствия компании, да мало ли чего. И меня разрубило пополам, надвое, словно молния рубящая дерево вырывающая его с корневищем промелькнувшая и исчезающая вдали оставляя смрадно дымящиеся обугленные головешки, пепел, еще вчера живого, тянувшегося ветвями своими к солнцу, существа.

Скажи, ведь как человек я тебе нравлюсь?

Да, нравишься.

Между нами есть некая духовная близость?

Да, есть.

И мы люди одного круга, одной культуры?

Одного круга, одной культуры.

Ведь я умен?

Да, я оценила.

Мы можем быть мужем и женой?

Не можем.

Вот представь. Ты встречаешься с человеком который тебе нравится, затем, далеко не сразу ты в него влюбляешься, без ума и памяти, ну и так далее, не тебе объяснять, вы встречаетесь довольно долго, очень даже, слишком уж, у вас всё такое, он знает, в курсе дел твоих сердечных и страданий любовных. Очень даже в курсе, но к тебе он пуст. Абсолютно. Похоже даже, что где – то принципиально. Неужели на зло? Но тем не менее отношения поддерживает как ни в чем ни бывало пользуясь попутно благами некими, пусть и небольшими, и похоже, испытывая при этом ни с чем ни сравнимое наслаждение садиста. Относится к тебе, словно ты прокаженная. Разве к прокаженным дотрагиваются хоть кончиком мизинца? Ты – прокаженная!

У тебя был мальчик, вы встречались чуть ли не с год целый, затем выехали за город, гостинница, остались наедине, ужас какой, правда?, он предполагал, этот циник, развратник, маниак сексуальный, что у вас может быть «это», ты, мать святая Тереза выражаешься до сих пор так: «это», тут на тебя напала истерика (падучая?), она всегда на тебя нападает при одной только мысли, да?, ты не исцарапала его рожу похотливую, не врезала по яйцам извращенцу коленом, не набрала 911?, и когда ты в последний раз?, подумать страшно, да и никогда не нравилось – тут лицо твое искажает гримаса отвращения и брезгливости. Школьницей

у тебя был роман с одной... мы немые как рыбы... родители... скандал... замужество... с нелюбимым, нежеланным... измена... развод... да, были, но не хочу... даже для здоровья... как подумаю об этом...

Молча меряю взад вперед пару метров свободного пространства конуры своей убогой и вспоминаю Ницше. «Если я иногда и думаю о половом акте, то не иначе как с чувством глубокого отвращения, а в более приподнятом расположении духа – с чувством глубочайшего омерзения».

Беру твою руку в свою... Ты забираешь свою руку... Прощаясь, я так же зло отгавкал, что да, мол, сенситив, в отличии от тебя, колоды бесчувственной.

Ты гавкнула голосищем своим противным: «Больше не звони!», схватила сумку, я же перепрыгнул на другую сторону по ходу стирая твой ненавистный номер дико сожалея, что не сообразил запустить мобильник в твою тупую кудрявую балду. Через час телефонная трель вывела из ступора одиноко сидящего беспрерывно курящего тонкие дамские сигареты с ментолом немолодого, враз осувшегося и постаревшего человека. Игореша... Игореша.. так меня называли считанные женщины... Тогда ты произнесла это сладкое слово в первый и последний раз. Тогда же и укорила. Ну нельзя же быть таким чувствительным...

Я печатаю на кухне, так мне комфортнее не только от того, что жратва да кофе под рукой, никуда идти не надо, ни на что не отвлекаться, часы, опять же на стене знай себе, тихо тикают. Слышу их бамканье в ночи с субботы на воскресенье. Закрываю глаза, откидываюсь. Сходить, что ли, куда... Нервы успокоить. Нервы, сказать надобно – ну просто ни к черту!

«А что ты делал в Москве?». Надо же, а я то думал, ты прочла. Открываю комод белой березы и протягиваю отчет о проделанной работе. И ты углубилась в чтение. А я отошел себе к окну да поглядываю. О, что мы видим! О, что мы лицезреем! Да ты не такая то – простая штучка, асексуальная, холодная, вытесанная из дубья, гранита, мрамора, куска порды горной скалистой железная женщина с каменюкой за пазухой заместо сердца. Ты даже в лице переменилась и попросила среди дня, чего отродясь не бывало, сигаретку. Может воды? Не имею привычки (а жаль) заглядывать через плечо, но мне показалось тебя заинтриговало одно место. Я, и девушка что на фото. Место, где описывается пляска теней. Как ты думаешь, оно удалось? Мне понравилось, высший пилотаж, безукоризненное исполнение, секс, возведенный в ранг искусства, триумф, торжище Эроса. Заснять бы, практикуется и такая услуга. Нет такой услуги, которая бы не практиковалась... интересно, с какими чувствами я бы лицезрел эту запись? Ты? Да ладно, какнибудь в следующий раз, какие наши годы...

Кстати, все ниже и вышеописываемое, помимо простительных поэтических вольностей любителя бумагомарателя строго документально, на уровне милицейского протокола. А знаешь, почему укладываясь баиньки дитя это обняло, прижалось ко мне, дыханием обдало. Меня, по ставнению с ней, ну ты и сама знаешь, не к чему лишний раз в календарь на ночь глядеть...

Да, оно так и есть, с возрастом тянет на молодых. Так же как и женщин на мужчин. У них есть нечто, чего нет у женщин после, еще сохранен аромат тела, тот совершенно дивный, потрясающий запах, дурман, ни с чем не сравнимый аромат душистого детского тела, с возрастом переходящий в смердящий запах старческих немощей и сырой могильной земли.

Я люблю, а кто не любит? погудеть в компании. В моих краях еще не все перемерли, и когда я при деньгах, как ни странно – бывает и такое, то всегда прихватываю их и мы пускаемся в загул. О, это зрелище еще то!

А пока все идет чередом своим, мы встречаемся, сживаем, общаемся, свыклись, привыкли, появилась некая зависимость друг в друге, когда я не вижу тебя несколько дней, то начинаю томиться, скучать, мне чего – то не хватает, я просто не нахожу себе места. В наши платонические отношения вмешивается природа. «Ты весь дрожишь». «Так от тебя

и дрожу». «Сходи куданибудь...». И тогда я понял, что попал в любовно – сумасшедший капкан, ловушку, западню, из которой подобру поздорову мне не выбраться.

Весна, время пробуждения надежд, любви, жизни самой биение... Самая страшная и счастливая весна. «Сходи куданибудь...». Всегда занимал дурацкий вопрос. Вот откуда оно берется во время сексуальных загулов и куда девается оно же когда чуть ли не годами сушишь весла? Неужели и тут нервы? Куда ни кинь – всюду нервы! Все болезни от нервов! Один сифон от удовольствия. Опять несправедливость. Куда не кинь – несправедливости одни. А делать то что? Ты мне шепнула на ушко как ты выходишь когда тебе приспичит, а кто сомневался, старо как мир, думаю ты шепнула мне далеко не всё, ведь мы так мало знакомы... А как же быть мне, мне как выходить из положения?!

Исчезли: эрреции, поллюции, либидо, причем в одночасье всё. Из заменили: утренняя боль головная, сухость во рту не считая перегара запаха, дрожание членов всех одномоментное опять же в одночасье. Вот вы к примеру в Гималаях что в Китае, на вахте гауптической что на Садовой, корабле космическом что в пустоте космической соответственно, кутузке поселка городского типа с названием поэтическим что в Смородиново, на льдине дрейфующей что в океане Северном Ледовитом, ложе послеоперационном будь то где... тогда понятна мысль ваша работающая в одном направлении правильном – убрать ноги подобру поздорову что с вершины горной, что с корабля космического, что с кутузки поэтической, что со льдины дрейфующей, что с ложа послеоперационного... Сознание ваше, по себе сужу опять же, не будет смертельно отягощено видениями сексуалистическими от которых проку всё равно чуть. Но! Мысли ваши просветленные тут же заработают на оборотах «самый полный вперед!» в режиме титаническом как только вы очутитесь в пивной что на Садовой, ЯМЕ, НЕВСКОМ, или на худой конец в том же приснопамятном задрипаном ПРИМОРСКОМ. Мы думаем об этом неосознано, подсознано, денно, ночью – всю жизнь, мужчины и женщины, короли и шуты ихние, миллиардеры и нищие, красавцы и уроды, гении и идиоты, эпикурейцы и аскеты, думаем больше чем голодный о куске хлеба, а страждущий о глотке воды, ибо существо человеческое и сущность его есть не что иное как сгусток протоплазмы, скопищем истекающих выделениями клеток, облеченных в непроницаемую внешне, но раздираемую внутренними противоречиями именуемыми страстями оболочку, которые правят миром, а что касается отдельно взятого индивидуума, вроде меня – его судьбой.

Ничего не править, не перечитывать, не возвращаться – сознание, едва дотронувшись до оголенного нерва меркнет и просит пощады. Ты стала являться свершающая акт абсолютно наяву, сон как таковой исчез, его заменил калейдоскоп видений, прогания наваждения, образ твой, я пытался заменить его другими женщинами, ночи превратились в мельтешенье чередующихся тел, лиц, но худшее как всегда ждало впереди – мне на смену пришли другие лица, я понял что на грани...

Любовно беру в руки это чудо. Действительно, произведение искусства. Ребристая рукоять, литое, мощное полуовалом тело, конусом расширяющееся книзу с острым скосом у основания, чуть ли не в человеческий рост и весом в годовалого теленка лом, чье тело, да, именно так – не корпус, я любовно припрячу между колоной и брейсами, а завтра, завтра утром подымусь на этаж пораньше, ухвачу своего лучшего друга и буду молча, отрешенно, бить, вырывать с кровью и мясом восьмифитовые формы, вонзать, втыкать острое жало между железом и бетоном вкладывая в каждый удар себя всего, тело все, плоть, словно вонзая, втыкая в тебя и ты кричишь как кричали другие: «Не бей, не бей так, больно...!», но я буду бить все сильнее и сильнее, вкладывая в удар каждый ненависть всю свою и боль, не переставая, исступленно, до крови в закушенной губе и пелены в налитых кровью ничего не видящих глазах, затем ухвачу молот, опять же тяжелый самый и буду выбивать дверные проемы страшными по силе своей ударами, так же молча и бессмысленно, я возьму лом, молот, затем молоток отбойный в начале рабочего дня и выпущу в конце самом и все это

время мерный рокот отваливающегося бетона будет сотрясать не столько стены сколько тебя, тело твое Медузы Горгоны, недоступное словно яйцо Кашеево и только потому столь желанное и манящее. Затем погружу нарублено – накрошенное в черный контейр аспидного иссиня черного колеру на четырех кривых ногах шарикоподшипниках. Ко мне дежурно подойдут двое работягмексиканцев и попросят дежурно не перегружать чугунную железяку. Я так же дежурно пообещаю. Каждый раз амиги показывают пальцем до половины и так же каждый раз я грузу на треть больше. Затем обхватив квадратное чугунное аспидно иссиня черно чудовище начинаю его раскачивать с тем, чтобы ухватив ход сдвинуть с места, затем оперев плечом покатить докуда хватит сил, ну еще немножечко вперед, но чугунное чудовище упирается и не дается, оно не хочет вперед, тут я крутану его влево, затем так же резко противоположно, придавая вращательному движению дополнительное усилие и опять буду тащить, толкать, волочить то сзади, то забегая наперед, а когда силы истощатся, тогда я в последний раз крутану его в любую сторону и протяну еще пару метров... и так до тех пор, пока в обнимку с чугунной железякой не достигну ограждения элевейтора.

Губы копа шевелятся, но я не разбираю слов его. Скорее всего страж интересуется побудительными причинами заставившими прилично одетого джентельмена улечься посреди тротуара. Силуюсь ответить, но горлянка издает некий сдавленный хрип, нечленораздельное бульканье. Еще какое – то время коп раздумывает, затем, видимо убедившись в жизнестойкости любителя понежиться на каменом ложе, исчезает в ночной тьме. Медленно, через карачки, подымаюсь, оглядываясь окрест. Где я? Как очутился здесь?

«Are you O'key?» – интересуется полногрудая улыбчивая негритянка и из провала памяти возникает добрейшей души страж порядка помогающий водиле грузить бесчувственный куль. Да мэм, мямлю сконфужено. «IamO'key».

«Мужчина, да что ж вы так пьете?».

«Мужчина, да на вас же смотреть страшно!».

Нечто выпадающее из – за стойки. Расскрошенные зубы. Размазаная по стене морда. Вываляная вымазюканая одежина. Подъезд. Подворотня. Беспамятство.

Я без работы, денег нет, ты в аутсайде. За окном тяжкий ранний весенний вечер, грохот проносящегося трена и выматывающий душу нудный мелкий морозящий дождь. Меня начинает рвать. Некая невидимая сила начинает рвать, корежить, испепелять изнутри, я не нахожу себе место и знаю что не найду его ни когда как знаю что ждет меня сегодня, завтра и всю оставшуюся жизнь как знает будущность свою идущий под нож неоперабельный большой корчась от невыносимой боли кричащий во всю силу своих больных легких в ночную тишину: «Морфию мне, морфию...!». Нечто подобное более тридцати лет тому на канале Грибоедова, уйди она – и я бросился бы в канал, это ощущение внутреннего ожога и непереносимой боли осталось оттуда навсегда, я носил его в себе все эти годы как земля хранит взрыватель неразорвавшейся бомбы, споры чумы, как планета вращается вокруг Солнца – вечно, и вот сейчас бомба взорвалась, открылись споры, сошла с орбиты планета, и я немо разрываю ночную тишину: «Морфию мне, морфию...!».

Мне кажется, да что там кажется – уверен, женщины лишены этого чувства, оно не дано им природой как нам не даны родовые муки. Нам никогда не влезть в шкуру друг друга да и надобности никакой. Дающие новую жизнь кричат, этот душераздирающий крик длится минуты но никак не дни и месяцы, когда ты давишь в себе этот рвущийся наружу рев пряча его под маской безразличия, равнодушия, холодности, который точит тебя постоянно изнутри превращая в странное, с взглядом в себя, влажными глазами и застывшей улыбкой – существо.

Чувство это иррационально абсолютно, я не в состоянии понять в чем дело, разобратсья элементарно в произошедшем, как такое вообще стало возможно, расстансья мы в самом начале я бы с трудом вспомнил как тебя зовут, и тут ты вдруг набрала силу такую чтоб

так изничтожать меня день за днем, месяц за месяцем, на ровном месте, при ясной погоде, при уме своем... от непонимания этого становится еще хуже, тягостнее, невыносимее, ты замыкаешься, уходишь в себя, начинаешь сторониться и бояться женщин. Как я мог обмануться так, в который раз вопрошаю и не нахожу ответа. В тебе? Себе? Нас обоих?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.